

И О С И Ф Б Р О Д С К И Й
(р. 1940-) 1996)

1

→ ПИЛИГРИМЫ

Мимо ристалищ, капищ,
мимо храмов и баров,
мимо шикарных кладбищ,
мимо больших базаров
мира, и горя мимо,
мимо Мекки и Рима,
синим солнцем палимы
идут по земле
пилигримы.

Увечны они, горбаты,
голодны, полуодеты.
Глаза их полны заката.
Сердца их полны рассвета.
За ними поют пустыни,
вспыхивают зарницы,
звезды дрожат над ними,
и хрипло кричат им птицы,
что мир остается прежним.

Да. Остается прежним.
Ослепительно снежным.
И сомнительно нежным.
Мир остается лживым.
Мир остается вечным.
Может быть, постижимым,
но все-таки бесконечным.

И значит, не будет толка
от веры в себя да в Бога.
И значит, остались только
ИЛЛЮЗИИ И ДОРОГА.

курсив

И быть над землей закатам.
И быть над землей рассветам.

Удобрить ее солдатам.
Одобрить ее поэтам.

← 1959 *

② → РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РОМАНС

← ~~Катерина~~ жене Рейну, с любовью

Плывёт в тоске необъяснимой
среди кирпичного насада
ночной кораблик негасимый
из Александровского сада,
ночной кораблик нелюдимый,
на розу жёлтую похожий,
над головой своих любимых,
у ног прохожих.

Плывёт в тоске необъяснимой
пчелиный хор сомнамбул, пьяниц.
В ночной столице фотоснимок
печальный сделал иностранец,
и выезжает на Ордынку
такси с больными седоками,
и мертвецы стоят в обнимку
с особняками.

Плывёт в тоске необъяснимой
певец печальный по столице,
стоит у лавки керосинной
печальный дворник круглолицый,
спешит по улице невзрачной
любовник старый и красивый,
полночный поезд новобрачный
плывет в тоске необъяснимой.

Плывёт во мгле замоскворецкой
пловец в несчастье случайный,
блуждает выговор еврейский
на желтой лестнице печальной,
и от любви до невеселья,
под Новый год, под воскресенье,
плывет красotka записная,
своей тоски не объясняя.

Плывет в глазах холодный вечер,
дрожат снежинки на вагоне,
морозный ветер, бледный ветер
обтянет красные ладони,
и льется мед огней вечерних,
и пахнет сладкою халвою.
Ночной пирог несет сочельник
над головою.

Твой Новый год по темно-синей
волне средь ~~позора~~^{моря} городского
плывет в тоске необъяснимой,
как будто жизнь начнется снова,
как будто будут свет и слава,
удачный день и вдоволь хлеба,
как будто жизнь начнется вправо,
качнувшись влево.

↓ К

декабря
28 ~~1961~~ 1961 #

3

→ С Т А Н С Ы

Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров
Я приду умирать.
Твой фасад темносиний
Я впотьмах не найду,
Между выцветших линий
На асфальт упаду.
И душа неустанно
Поспешая во тьму,

Промелькнет над мостами
В петроградском дыму.
И апрельская морось,
Под затылком снежок...
И услышу я голос:
"До свиданья, дружок!"
И увижу две жизни
Далеко за рекой,
К равнодушной отчизне
Прижимаясь щекой.
Словно девочки-сестры
Из непрожитых лет,
Выбегая на остров,
Махнут мальчику вслед.

← 1962 г

5
БОЛЬШАЯ ЭЛЕГИЯ ДЖОНУ ДОННУ

Джон Донн уснул, уснуло всё вокруг.
Уснули стены, пол, постель, картины,
уснули стол, ковры, ~~картины~~^{засовы}, кряк,
весь гардероб, буфет, свеча, гардины.
Уснуло всё. Бутыль, стакан, тазы,
хлеб, хлебный нож, фарфор, хрусталь, посуда,
ночник, белье, шкафы, стекло, часы,
ступеньки лестниц, двери. Ночь повсюду.
Повсюду ночь: в углах, в глазах, в белье,
среди бумаг, в столе, в готовой речи,
в её словах, в дровах, в щипцах, в угле
остывшего камина, в каждой вещи.
В камзоле, в башмаках, в чулках, в тенях,
за зеркалом, в кровати, в спинке стула,
опять в тазу, в распятыи, в простынях,
в метле у входа, в туфлях. Всё уснуло.

Уснуло всё. Окно. И снег в окне.
Соседней крыши белый скат. Как скатерть.

Ее конек. И весь квартал во сне,
разрезанный оконной рамой насмерть.
Уснули арки, стены, окна, всё.
Бульжники, торцы, решетки, клумбы.
Не вспыхнет свет, не скрипнет колесо...
Ограды, украшенья, цепи, тумбы.
Уснули двери, кольца, ручки, крюк,
замки, засовы, их ключи, запоры.
Нигде не слышен шопот, шорох, стук.
Лишь снег скрипит. Все спит. Рассвет не скоро.
Уснули тюрьмы, замки. Спят весы
Средь рыбной лавки. Спят свиные туши.
Дома, задворки. Спят цепные псы.
В подвалах кошки спят, торчат их уши.
Спят мыши, люди. Лондон крепко спит.
Спит парусник в порту. Вода со снегом
под кузовом его во сне сипит,
сливаясь вдалеке с уснувшим небом.
Джон Донн уснул. И море вместе с ним.
И берег меловой уснул над морем.
Весь остров спит, объятый сном одним.
И каждый сад закрыт тройным запором.
Спят клены, сосны, грабы, пихты, ель.
Спят склоны гор, ручьи на склонах, тропы.
Лисицы, волк. Залез медведь в постель.
Наносит снег у входов нор сугробы.
И птицы спят. Не слышно пенья их.
Вороний крик не слышен, ночь, совиный
не слышен смех. Простор английский тих.
Звезда сверкает. Мышь идет с повинной.
Уснуло всё. Лежат в своих гробах
все мертвецы. Спокойно спят. В кроватях
живые спят в морях своих рубах.
Поодиночке. Крепко. Спят в объятых.
Уснуло всё. Спят горы, реки, лес.
Спят звери, птицы, мертвый мир, живое.
Лишь белый снег летит с ночных небес.
Но спят и там, у всех над головою.
Спят ангелы. Тревожный мир забыт
во сне святыми - и ~~в~~ стыду святому.

Геенна спит, и Рай прекрасный спит.
Никто не выйдет в этот час из дому.
Господь уснул. Земля сейчас чужда.
Глаза не видят, Слух не внемлет боле.
И дьявол спит. И вместе с ним вражда,
заснула на снегу в английском поле.
Спят всадники. Архангел спит с трубой.
И кони спят, во сне качаясь плавно.
И херувимы все - одной толпой,
обнявшись, спят под сводом церкви Павла.

Джон Донн уснул. Уснули, спят стихи.
Все образы, все рифмы. Сильных, слабых
найти нельзя. Порок, тоска, грехи,
равно тихи, лежат в своих силлабах.
И каждый стих с другим, как близкий брат,
хоть шепчет другу друг: "Чуть-чуть подвинься",
но каждый так далек от райских врат,
так беден, густ, так чист, что в них - единство.
Все строки спят. Спит ямбов строгий свод.
Хореи спят, как стражи, слева, справа.
И спит виденье в них летеиских вод.
И крепко спит за ним другое - слава.
Спят беды все. Страданья крепко спят.
Пороки спят. Добро со злом обнялось.
Пророки спят. Белесый снегопад
в пространстве ищет черных пятен малость.
Уснуло все. Спят крепко толпы книг.
Спят реки слов, покрыты льдом забвенья.
Спят речи все, со всею правдой в них.
И цепи спят. Чуть-чуть звенят их звенья.
~~Уснуло всё:~~ ~~Всё спит:~~ святые, дьявол, Бог.
Их слуги злые, Их друзья. Их дети.
И только снег шуршит во тьме дорог.
И больше звуков нет на целом свете.

Но чу! Ты слышишь - там в холодной тьме,
там кто-то плачет, кто-то шепчет в страхе.
Там кто-то предоставлен всей зиме.

И плачет он. Там кто-то есть во мраке.

Так тонок голос. Тонок, впрямь игла.

А нити нет... И он так одиноко

плывет в снегу. Повсюду холод, мгла...

Сшивая ночь с рассветом... Так высоко.

"Кто ж там рыдает? Ты ли, ангел мой,
возврата ждешь, под снегом ждешь, как лета,
любви моей? Во тьме идешь домой.

Не ты ль кричишь во мраке?" - Нет ответа.

"Не вы ль там, херувимы? Грустный хор
напомнило мне этих слёз звучанье.

Не вы ль решились спящий мой собор
покинуть вдруг. Не вы ль? Не вы ль?" - Молчанье.

"Не ты ли, Павел? Правда, голос твой
уж слишком огрублен суровой речью.

Не ты ль поник во тьме седой главой
и плачешь там?" - Но тишь летит навстречу.

"Не та ль во тьме прикрыла взор рука,
которая повсюду здесь маячит?

Не ты ль, Господь? Пусть мысль моя дика,
но слишком уж высокий голос плачет".

Молчанье. Тишь. - "Не ты ли, Гавриил,
подул в трубу, а кто-то громко лает?

Но что ж, лишь я один глаза открыл,
а всадники своих коней седлают.

Всё крепко спит, в объятьях крепкой тьмы.

А гончие уж мчат с небес толпою.

Не ты ли, Гавриил, среди зимы
рыдаешь тут, один, впотьмах, с трубою?"

"Нет, это я, душа твоя, Джон Донн.
Здесь я одна скорблю в небесной выси
о том, что создала своим трудом
тяжелые, как цепи, чувства, мысли.

Ты с этим грузом мог вершить полет
среди страстей, среди грехов и выше.

Ты птицей был и видел свой народ
повсюду, весь, взлетал над скатом крыши.
Ты видел все моря, весь дальний край.

И Ад ты зрел - в себе, а после - в яви.
Ты видел также явно светлый Рай
в печальнейшей - из всех страстей - оправе.
Ты видел жизнь, она как остров твой.
И с Океаном этим ты встречался:
Со всех сторон лишь тьма, лишь тьма и вой.
Ты Бога облетел и вспять помчался.
Но этот груз тебя не пустит ввысь,
откуда этот мир^Улишь сотня башен
да ленты рек, и где, при взгляде вниз,
сей страшный суд почти совсем не страшен.
И климат там недвижим, в той стране,
Оттуда всё, как сон больной в истоме.
Господь оттуда - только свет в окне
туманной ночью в самом дальнем доме.
Поля бывают. Их не пашет плуг.
Года не пашет. И века не пашет.
Одни леса стоят стеной вокруг,
и только дождь в траве огромной пляшет.
Тот первый дровосек, чей тощий конь
вбежит туда, плутая в страхе чащей,
на сосну взлезши, вдруг узрит огонь
в своей долине, там, вдали лежащей.
Всё, всё вдали. А здесь неясный край.
Спокойный взгляд скользит по дальним крышам.
Здесь так светло. Не слышен псиный лай
и колокольный звон совсем не слышен.
И он поймет, что всё вдали. К лесам
он лошадь повернет движеньем резким.
И тотчас вожжи, сани, ночь, он сам
и бедный конь - всё станет сном библейским.

Ну вот я плачу, плачу, нет пути.
Вернуться суждено мне в эти камни.
Нельзя придти туда мне во плоти.
Лишь мертвый суждено взлететь туда мне.
Да, да, одной. Забыв тебя, мой свет,
в сырой земле забыв на век, на муку
бесплодного желанья плыть вослед,
чтоб шить своею плотью, шить разлуку.

не летает

МАЛИНОВКА

Ты выпорхнешь, малиновка, из трех
малинников, припомнивши в неволе,
как в сумерках вторгается в горах
ворсистое люпиновое поле.

Сквозь сомкнутые вербные усы -
туда, где, замирая на мгновенье,
бесчисленные капельки росы
сбегают по стручкам от столкновенья.

Малинник встрепенётся, но в залог
оставлена догадка, что, возможно,
охотник, расставляющий силок,
валежником хрустит неосторожно.
На деле же лишь ленточка тропы
в овраге, извивается, белея.
Не слышно ни журчанья, ни стрельбы,
не видно ни Стрельца, ни Водолея.

Лишь ночь под перевернутым крылом
бежит по опрокинувшимся кущам -
настойчиво, как память о былом -
безмолвном, но по-прежнему живущем.

‡ 24.05.1964 ‡

6 К СЕВЕРНОМУ КРАЮ

Северный край, укрой.
И поглубже. В лесу.
Как смолу под корой,
Спрячь под веком слезу.
И оставь лишь зрачок,
Словно хвойный пучок,
На грядущие дни.
И страну заслони.

Нет, не волнуйся зря:
Я превращусь в глухаря,
И, как перья на крыльях, мне лягут
Листья календаря.

Или спрячусь, как лис,
От человеческих лиц,
От собачьего хора,
От двуствольных глазниц.

Спрячь и зажми мне рот!
Пусть при взгляде вперед
Мне ничего не встретит,
Кроме желтых болот.
В их... купели сырой
От взоров нескромных скрой
След, если след оставлю,
И в трясины зарой.

Не мой черед умолкать.
Но пора окликать
Только тех, кто не станет
Облака упрекать
В красноте, в тесноте.
Пора брести в темноте,
Вторя песней без слов
Частоколу стволов.

Так шуми же себе
В судебной своей судьбе
Над моей головой,
Присужденной тебе,
Но только рукой /плеча/
Дай мне воды /ручья/
Зачерпнуть, чтоб я понял,
Что только жизнь - ничья.

Не перечь, не порочь.
Новых гроз не пророчь.
Оглянись, если сможешь -
Так уходят прочь:
Идут сквозь толпу людей,
Потом - вдоль рек и полей,
Потом сквозь леса и горы,
Всё быстрее. Всё быстрее.

ОДНОЙ ПОЭТЕСЕ

не шатайся

Я заражен нормальным классицизмом.
А вы, мой друг, заражены сарказмом.
Конечно, просто сделаться капризным,
по ведомству акцизному служа.
К тому ж, вы звали этот век железным.
Но я не думал, говоря о разном,
что, зараженный классицизмом трезвым,
Я сам гулял по острю ножа.

Теперь конец моей и вашей дружбе.
Зато - начало многолетней тяжбе.
Теперь и вам продвинуться по службе
Мешает Бахус, но никто другой.
Я оставляю эту ниву тем же,
каким взашел я на нее, но так же
я затвердел, как Геркуланум в пемзе,
и я для вас не шевельну рукой.

Оставим счеты. Я давно в неволе.
Картофель ем и сплю на сеновале.
Могу прибавить, что теперь на воре
уже не шапка - лысина горит.
Я эпигон и попугай. Не вы ли
жизнь попугая от себя скрывали?
Когда мне вышли от закона вилы,
Я вашим прорицаньем был согрет.

Служенье Муз чего-то там не терпит.
Зато само обычно так торопит,
что по рукам бежит невольный трепет,
и несомненна близость божества.
Один певец подготавливает рапорт,
другой - рождает приглушенный ропот,
а третий знает, что он сам - лишь рупор,
и он срывает все цветы родства.

И скажет смерть, что не поспеть сарказму
за силой жизни. Проницая призму,
способен он лишь увеличить плазму;
ему, увы, не озарить ядра.

И вот, столь долго состоя при Музах,
я отдал предпочтенье классицизму,
хоть я и мог, как старец в Сиракузах,
взирать на мир из глубины ведра.

Оставим счета. Вероятно, слабость.
Я, предвкушая ваш сарказм и радость,
в своей глуши благословляю разность:
жужжанье ослепительной оси
в простой ромашке вызывает робость.
Я сознаю, что предо мною пропасть.
И крутится сознание, как лопасть,
вокруг своей негнущейся оси.

Сапожник строит сапоги. Пирожник
сооружает крендель. Чернокожничник
листает толстый фолиант. А грешник
усугубляет, что ни день, грехи.
Влекут дельфины по волнам треножник,
и Аполлон обзревает ближних -
в конечном счете, безгранично внешних.
Шумят леса, и небеса глухи.

Уж скоро осень. Школьные тетради
лежат в портфелях. Чаровницы, вроде
вас, по утрам укладывают пряди
в большой пучок, готовясь к холодам.
Я вспоминаю эпизод в Тавриде,
наш обоюдный интерес к природе,
всегда в ее дикорастущем виде;
и удивляюсь, и грущу, мадам.

д.Норенская.

✱ 1965 ✱

х х х

не мешать

В деревне Бог живет не по углам,
как думают насмешники, а всюду.
Он освящает кровлю и посуду
и честно двери делит пополам.
В деревне Он в избытке. В чугуне
Он варит по субботам чечевицу,
приплясывает сонно на огне,
подмигивает мне, как очевидцу.
Он изгороди ставит. Выдает
девицу за лесничего. И, в шутку,
устраивает вечный недолет
объездчику, стреляющему в утку.
Возможность же всё это наблюдать,
к осеннему прислушиваясь свисту,
единственная, в общем, благодать,
доступная в деревне атеисту.

/ Середина 1960-х /

не мешать

С Р Е Т Е Н Ь Е

Когда она в церковь впервые внесла
дитя, находились внутри из числа
людей, находящихся там постоянно,
святой Симеон и пророчица Анна.

И старец воспринял младенца из рук
Марии. И три человека вокруг
младенца стояли, как зыбкая рама,
в то утро, затеряны в сумраке храма.

Тот храм окружал их, как замерший лес.
От взглядов людей и от взора небес
вершины скрывали, сумев распластаться,
в то утро Марию, пророчицу, старца.

И только на темя случайным лучом
свет падал младенцу, но он ни о чем

не ведал еще и посапывал сонно,
покоясь на крепких руках Симеона.

А было поведано старцу сему
о том, что увидит он смертную тьму
не прежде, чем сына увидит Господня.
Свершилось. И старец промолвил: "Сегодня,

реченное некогда слово храня,
Ты с миром, Господь, отпускаешь меня;
затем, что глаза мои видели это
дитя: он - Твое продолженье и света

источник для идолов чтящих племен,
и слава Израиля в нем". - Симеон
умолкнул. Их всех тишина обступила.
Лишь эхо тех слов, задевая стропила,

кружилось какое-то время спустя
над их головами, слегка шелестя
под куполом храма, как некая птица,
что в силах взлететь, но не в силах спуститься.

И странно им было. Была тишина
не менее странной, чем речь. Смущена,
Мария молчала - "Слова-то какие..."
И старец сказал, повернувшись к Марии::

" В лежащем сейчас на раменах твоих
паденье одних, возвышенье других,
предмет пререканий и повод к раздорам.
И тем же, Мария, оружием, которым,

терзаема плоть Его будет, твоя
душа будет ранена. Рана сия
даст видеть тебе, что сокрыто глубоко
в сердцах человек, как новое око."

Он кончил и двинулся к выходу. Вслед Мария, сутулясь, и тяжестью лет согбенная Анна безмолвно глядели. Он шел, уменьшаясь в значенье и теле

для двух этих женщин под сенью колонн. Почти подгоняем их взглядами, он к белевшему смутно дверному проему шел молча по этому храму пустому.

И поступь была стариковски тверда. Лишь голос пророчицы сзади когда раздался, он шаг придержал свой немного: но то не его окликали, а Бога

пророчица славить уже начала. И дверь приближалась. Одежд и чела уж ветер коснулся, и в уши упрямо врывался шум жизни за стенами храма.

Он шел умирать. И не в уличный гул он, дверь отворивши руками, шагнул, но в глухонемые владения смерти. Он шел по пространству, лишенному тверди,

он слышал, что время утратило звук. И образ Младенца с сияньем вокруг пушистого темени смертной тропой душа Симеона несла пред собою,

как некий светильник в ту черную тьму, в которой дотопе еще никому дорогу себе озарять не случалось. Светильник светил, и тропа расширялась.

/ 31.03.1972 /

7

ПИСЬМА РИМСКОМУ ДРУГУ

Из Марциала

ж — ж х —

Нынче ветрено и волны с перехлестом.
Скоро осень, все изменится в округе.
Смена красок этих трогательней, Постум,
Чем наряда перемена у подруги.

Дева тешит до известного предела —
Дальше локтя не пойдешь или колена.
Сколь же радостней прекрасное вне тела:
ни объятье невозможно, ни измена!

Посылаю тебе, Постум, эти книги.
Что в столице? Мягко стелют? Спать не жестко?
Как там Цезарь? Чем он занят? Все интриги?
Все интриги, вероятно, да обжорство.

Я сижу в своем саду, горит светильник.
Ни подруги, ни прислуги, ни знакомых.
Вместо слабых мира этого и сильных —
Лишь согласное гуденье насекомых.

х — ж х —

Здесь лежит купец из Азии. Толковым
был купцом он — деловит, но незаметен.
Умер быстро: лихорадка. По торговым
он делам сюда ^{приплыл,} ~~приехал~~ не за этим.

Рядом с ним — легионер, под грубым кварцем.
Он в сражениях Империю прославил.
Сколько раз могли убить! а умер старцем.
Даже здесь не существует, Постум, правил.

x → x →

Пусть и вправду, Постум, курица не птица,
но с куриными мозгамихватишь горя.
Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции, у моря.

И от Цезаря далеко и от выюги.
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говоришь, что там наместники - ворюги?
Но ворюги мне милей, чем кровопийца.

x → x →

Этот ливень переждать с тобой, гетера,
я согласен, но давай-ка без торговли:
Брать сестерций с покрывающего тела
все равно, что дранку требовать у кровли.

Протекаю, говоришь? Но где же лужа?
Чтобы лужу оставлял я, не бывало.
Вот найдешь себе какого-нибудь мужа,
он и будет протекать на покрывало.

* → * →

Вот и прожили мы больше половины.
Как сказал мне старый раб перед таверной:
" Мы, оглядываясь, видим лишь руины".
Взгляд, конечно, очень варварский, но верный.

Был в горах. Сейчас вожусь с большим букетом.
Разыщу большой кувшин, воды налью им...
Как там в Ливии, мой Постум, - или где там?
Неужели до сих пор еще вожем?

* → * →

Помнишь, Постум, у ~~Валериуса~~ наместника сестрица?
Худощавая, но с полными ногами.
Ты с ней спал еще... Недавно стала жрица.
Жрица, Постум, и общается с богами.

Приезжай, попьем вина, закусим хлебом.
Или сливами. Расскажешь мне известья.
Постелю тебе в саду под чистым небом
И скажу, как называются созвездья.

* * *

Скоро, Постум, друг твой, любящий сложенье,
долг свой давний вычитанию заплатит.
Забери из-под подушки сбереженья,
там немного, но на похороны хватит.

Поезжай на вороной своей кобыле
в дом гетер под городскую нашу стену.
Дай им цену, за которую любили,
чтоб за ту же и оплакивали цену.

* * *

Зелень лавра, доходящая до дрожи.
Дверь распахнутая, пыльное оконце,
Стул покинутый, оставленное ложе.
Ткань, впитавшая полуденное солнце.

Понт шумит за черной изгородью пиний.
Что-то судно с ветром борется у мыса.
На рассохшейся скамейке - Старший Плиний.
Дрозд щебечет в шевелюре кипариса.

Март 1972 ~~1972~~

ТАМАРА БУКОВСКАЯ
(→ р. 1947←)

→ X X X

От Мойки-реки до Фонтанки
по Крюковке прямо иди...
Сначала Голландскую арку
на Мойке оставь позади.
Потом постепенно увидишь -
два мостика, сад и собор,